

Глеб Иванович Успенский

«Неизвестный»

Очерки и рассказы (1862–1866 гг.)

Глеб Успенский

«Неизвестный»

«Public Domain»

1865

Успенский Г. И.

«Неизвестный» / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1865 — (Очерки и рассказы (1862–1866 гг.))

В этом очерке мы встречаемся с одним из наиболее ранних выражений эстетических взглядов Успенского. Срывая с «неизвестного» его «таинственную мишуру», требуя в литературных произведениях устранения романтических «декораций», мешающих видеть правду истинной жизни, Успенский ратует за реалистический метод изображения действительности.

Содержание

I	5
II	7
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

«Неизвестный»

(Очерк)

I

Всякий, кому когда-нибудь приходилось пробегать страницы иностранных и отечественных драм, трагических романов и романических трагедий, без сомнения помнит загадочную фигуру *Неизвестного*, не имея никакой возможности сообразить – к какому сорту людей принадлежит эта фигура. Неожиданное появление, таинственный вид, гробовой голос, меланхолическая драпировка испанским плащом, который, вместе с широкополой шляпой, надвинутой на глаза, так укутывают неизвестного, что зрителю виден только энергический нос и единственный грандиозный ус, смотрящий вверх, к небу, наконец рука, медленно высовывающаяся из складок плаща и указывающая сначала в пол, а потом, при конце монолога, в потолок, то есть на небо, которое призывается сюда покарать неправое дело, – все это ставит неизвестного особняком от людей, встречающихся в обыденной жизни, и совершенно туманит читателя или зрителя, если тот ищет в пьесе не запутанности и неожиданности в завязке и развязке, – а живых людей. Глядя на эту закутанную фигуру, решительно невозможно допустить ни одного из вопросов, которые сами собою рождаются при взгляде на личность невыдуманную: что это за человек? где родятся такие люди и чем живут они? Ни фразы, которые изрекает таинственный незнакомец, ни его в высшей степени злые или в высшей степени добрые дела не помогут читателю решить этих вопросов, – а скорее оттолкнут его от этой фигуры, как от пошлой и тупой выдумки, заставят решить, что нет таких людей и быть не может. Заключение ошибочное, потому что неизвестные существуют, и в огромном количестве, самых разнообразных красок и шерстей. Не существуй они, и поэт или *сочинитель* не выдумал бы и тех уродов, которые пугают зрителей и читателей одною уже своею внешностью. Попробуйте разоблачить в неизвестном всякую таинственную мишуру, сдерните с него этот плащ и эту шпагу, и вы увидите, что он сам откажется от своих гремучих и витиеватых фраз, от своего незавидного положения скитаться из одной драмы в другую; вы увидите на нем прорванный подмышками и на локтях сюртук, с остатками мелу на спине, разодранный козырек у картуза, две недели не бритую голову и нос, какой бог дал, иногда вовсе не энергический, потому что шрам, который видите вы на нем, ясно доказывает неустойку его в борьбе с тротуарной тумбой. Ни в какие добрые или злые дела, ни в какие чужие трагедии и драмы этот неизвестный не решается показывать своего носа, хорошо зная, что в обыденной жизни драмы оканчиваются кварталом и подачею прошения на гербовой бумаге в разные высшие инстанции, причем неизвестного могут прицепить к делу, – и тогда скоро не отвертеться. Поэтому неизвестный появляется не с какими-нибудь невероятными требованиями, не с ужасающими приемами и фразами, – а скромно, потихоньку, по возможности под вечер: он не надвигает своего картуза на глаза, но почтительно снимает его и, держа его около уха, не гробовым, а простуженным голосом произносит:

– Милостивый государь! Где вы посоветуете мне ночевать? – То есть: «Ради бога, – дайте мне хоть что-нибудь, потому что я наг, бос, голоден и без пристанища. Но я не говорю вам этого прямо и выражаюсь театральной фразой потому, что я из благородных... Да! я благородный, милостивый государь!..»

Словом, вы увидите вовсе не загадочную фигуру, в которой сходятся высшие точки добра и зла, – а просто-напросто *пустой желудок*, который тащит за собою все существо незнакомца

и подвергает его множеству неожиданных столкновений, большинство которых не обходится без ущерба для него. Поэт, или вообще сочинитель, не разглядел этого, – он подхватил на свою удочку только пейзажную, так сказать, сторону этой фигуры, то есть кажущуюся беспричинность появления, тотчас сообразил, что эта неожиданная нелепость может с успехом пригодиться для потрясения сердец высокопочтеннейшей публики, и, не долго думая, нарядил этого несчастного человека в уродский костюм, закутал в огромных полах испанского плаща свое неумение сладить с задачей и свое больное воображение, нахлобучил на глаза шапку и выпихнул на сцену, приятно созерцая вытянутые и недоумевающие физиономии зрителей. А пустой желудок, или тот же неизвестный, продолжал, попрежнему незамеченным, проскользнуть под самым носом у растроганного зрителя, являясь или на тротуаре, с просьбою о ночлеге, то есть в самом последнем градусе неизвестности, или только в виде вруна, еще нерешительного в своем вранье, без которого, впрочем, существование его уже невозможно. Пустой желудок сказывался ему во множестве этих непризнанных художников, поэтов, слоняющихся с каким-нибудь недоконченным эскизом или куплетом, который, по их понятию, должен когда-нибудь обратиться на них все, теперь пренебрегающие ими, взоры; являлся в виде многого множества юношей, не знающих, куда деть себя, которые, нищенствуя и терзаясь внутренней пустотой, убиваются над решением высоких *философических* вопросов вроде: что такое жизнь? зачем она? – и вместе с тем тащат с собою и бездну погибели булочников, веривших в кредит, квартирных хозяев и проч., так что все их ежеминутное терзание со стороны принимает довольно комический вид. Вообще неизвестный проявляется в каждой фигуре того огромного класса людей, у которых, вследствие бесчисленных обессиливающих обстоятельств, отнята всякая возможность жить так, как хочешь, не делаясь при этом человеком лишним и паразитом. Выставляя этот самый заметный признак, по которому узнается неизвестный, в каком бы виде ни явился он, как бы он ни старался; загородить, задрапировать себя, – мы, хоть даже и во имя этого признака, хотим узнать подробно все уничтожающие полезную деятельность причины.

Начинаем с провинции, где вековая тихость нравов не доводит неизвестного до ужасающих картин столичного нищенства. Наудачу берем самую трогательную.

II

Под вечер, в небольшой, но опрятно убранной комнатке в городе N, сидит у раскрытого окна довольно флегматический господин, вечный холостяк, и соображает, о чем бы подумать? Думал он о жаре, мучившей целый день, думал о том, что теперь настало такое сухое время, когда ни думать, ни говорить решительно не о чем. Что бы еще? Думает он так, покуривает не спеша трубку, вздыхает... Вдруг из-за угла вырывается извозчик с седоком, огибает угол дома с другой стороны и останавливается у подъезда. «Кто бы это?» В ответ на этот вопрос в дверях является какой-то совершенно незнакомый гость; он торопливо сбрасывает с плеч полинялую люстриновую тальму, перекидывает ее через руку и, остановившись перед хозяином, произносит:

– Если не ошибаюсь, – господин Хрущов?

– Я-с!.. – говорит хозяин.

Гость делает шаг вперед и, сжимая руку хозяина, продолжает:

– Если помните – Бабков...

Недоумевающий взгляд хозяина заставляет гостя сделать о себе еще более точное напоминание:

– У Кузьмы Данилыча? в деревне? на обеде?.. Помните?.. – прибавляет Бабков, не выпуская руку хозяина.

– А-а... Помню-с...

Тут только хозяин действительно вспоминает физиономию гостя; вспоминает он, что видел его как-то мельком на деревенском обеде Кузьмы Данилыча и не обратил на него никакого внимания: фигура Бабкова мелькала там каким-то метеором – то там, то сям, не обращая на себя ничьих взглядов. Едва ли даже и сам хозяин обеда знал, кто такой этот Бабков. Но господин Бабков, кажется, не обращал на это никакого внимания и вместе с другими подходил к закуске, вежливо проталкиваясь вперед плечом и говоря при этом: «Па-азвольте, сделайте а-адалжение... Благодарю вас!..» Хозяин вспоминает, как по окончании торжества у Кузьмы Данилыча Бабков приставал к одному из гостей, уверяя, что «нам с вами по дороге», и как гость всеми мерами старался отклонить желание Бабкова ехать вместе. Между прочим почему-то вспомнился случай, происшедший тут же у Кузьмы Данилыча, – а именно: пропажа чьей-то серебряной табакерки и проч. Все эти воспоминания о личности Бабкова были крайне невыгодны для него, ибо после них родилось в голове хозяина слово «прохвост» и чуть ли не «жулик». Кроме того, хозяин положительно не понимал причины его посещения и решил отделаться от него по возможности скорее...

Между тем Бабков, надеясь встретить в хозяине доброту провинциала, предполагал распорядиться временем иначе. Он ждал, что хозяин скажет: «Ах, очень рад, чаю не прикажете ли? водки?» – «Нет, я не... Впрочем, позвольте...» – «Да вы отпустите извозчика... Позвольте-ко, я велю ему отдать... Сколько ему?..» и т. д. Почти уверенный в таком ведении дел, Бабков не спеша повертывает кресло боком к хозяину, садится в него, вытягивает вперед ноги в лаковых ободранных полусапожках и в каких-то жидких замасленных панталонах и, стаскивая широкую пропотевшую палевою перчатку, говорит:

– Я вам мешаю?..

– Ннет-с... ничего...

Бабков швыряет перчатки в белый люстриновый картуз, значительно запыленный сзади, расправляет свои жидкие, но топырящиеся усы, кашляет слегка и ожидает одного из тех вопросов, которые были приведены выше. Но вопросов этих не следует. Бабков пробует натолкнуть на них и для этого, во-первых, считает нужным подзадорить хозяина на разговор... Он заговаривает о провинциальной скуке, хвалит собаку хозяина, вспоминает при этом множество

чудовищных историй, в которых играли главную роль собаки, как его, Бабкова, собственная собака спасла ему жизнь... и проч. Хозяин произносит: «гм»... «да»... «н-нет»... «не думаю» и проч. и убеждается, что перед ним действительный прохвост и пустомеля. Время между тем идет, и положение Бабкова делается неприятным: извозчику не заплачено; каких бы то ни было других знакомых, встреченных хоть раз в жизни, не припомнит... Хозяин, видимо, съезжился, заперся... Все это вместе заставляет Бабкова принять усиленные меры, поддаться разговору игривости и клубнички, которую, сколько он помнит, провинциальные холостяки любят... Он поддает и того и другого, помирает со смеху, рассказывая пошлейший анекдот, и уже окончательно надоедает хозяину... «Однако порядочная скотина этот Хрущов», – решает он, и чтоб хоть чего-нибудь добиться, хоть рюмки водки (после которой дело должно пойти живее), хоть даже внимания и вежливости, которая придала бы посещению форму визита одного благородного человека к другому, тоже благородному человеку, – остается одно – самому охладеть, не лизаться к хозяину, а обнаружить небрежность и проч. Безуспешно и это... Прокляв в душе наглость этого неповоротливого мешка, к которому судьба, как на смех, бросила его, он решает придать разговору такой тон, как будто ничего и не было неприятного. Молча выпускает он из угла губ струю дыма, который, проскользнув сквозь жидкий ус, тянется в сторону, вздыхает и говорит:

– Что это погода-то...

Говорит он это так, что нельзя разобрать: хороша погода или плоха. Дело в том, что он желает сам узнать, нравится ли погода хозяину или нет. Хозяин издает какой-то звук, – Бабков находит, что нравится, и прибавляет:

– Прелесть!

– Гаже подобной погоды я никогда ничего не мог себе представить, – обрывает хозяин, не переставая смотреть в окно.

– То есть, для хлебов, ваша правда, действительно нужно бы дождя, – поправляется Бабков.

– Для хлебов теперь вовсе не нужно дождя... Теперь уборка...

– То есть, положим... Но все же, я думаю, маленький... слегка...

– Ни капли...

– Впрочем, действительно... рабочая пора... Я с вами совершенно согласен, дождь – помеха, но для воздуха... для свежести...

Хозяин сознает, что для свежести не мешало бы дождичку, но предпочитает оставить гостя в недоумении, будучи убежден, что стоит только хоть раз согласиться с гостем, и тогда положительно невозможно будет выжить его из своих собеседников... Бабков пускает усиленный куш папиросного дыма, сначала одним концом губ, потом другим, и, подняв голову кверху, успевает пустить к потолку тощее колечко... Положение неловкое. Бабков начинает чувствовать, что хозяином замечен его истасканный костюм, грязная рубашка со старинными отложными воротничками, короткие рукава, загорелые, худые, длинные и жилистые руки, физиономия смятая и испитая, но желающая сохранить юношескую свежесть... Все, все замечено... Все против него. Он начинает падать духом. Даже вздыхает один раз самым искренним образом, глядя на скаредную фигуру хозяина, который может сейчас же выгнать его, Бабкова, вон, ибо ни на волос не считает его для себя нужным, и проч. и проч. Бабков терзался... Но когда перед ним мелькнула в сотый раз та же беззаботность и полное пренебрежение на лице хозяина, та же неповоротливая спина, не желающая повернуться, исключительно из нежелания изменить положение, не обращая внимания, что тут человек, – Бабков сразу почувствовал внутри себя некоторую отвагу... гордость. У него родилось желание превратить это свиное спокойствие в ничто, в прах, – унижить в его глазах это дурацкое провинциальное спокойствие, это грошовое довольство возможностью выкинуть за окно все сколько-нибудь нарушающее болотное однообразие провинциальной жизни. Бабков негодовал вполне красноречиво и пламенно. Он

искал, чем бы посильнее двинуть в эту неподвижную статую, чтоб она рассыпалась вдребезги, и не нашел ничего лучшего, как небрежно сообщить, что недавно с ним случилась *маленькая* неприятность, – именно: он проиграл четыре тысячи рублей...

– Ого! – произнес хозяин, нисколько не опасаясь за эти тысячи. – Куш...

– Оно, видите ли, не то что куш... – вяло продолжал Бабков, смотря себе на ногти и не глядя на хозяина из нежелания видеть его побежденным и испугавшимся из великодушия. – Не куш... Но время... Это главное...

– Конечно!..

– Я бы мог сделать оборот, – и у меня вот он, другой куш... Что прикажете делать... Увлечся!.. Я, надо вам сказать, вообще не играю... то есть, если хотите, я играю, например, как и вы...

– Я не играю...

– То есть... Ну, да! и я не играю, если хотите... Но сравнительно...

– Никак не играю...

– «Что за дьявол!» Видите ли, проиграть свои карманные деньги... то есть деньги, какие постоянно носишь с собою... Какие-нибудь сто, двести, – я считаю безгрешным.

– Безрассудно и глупо...

– Но согласитесь же... в жизни человека... Человек так создан, что всякое увлечение... что без некоторого увлечения жизнь это будет – не жизнь... а... а-а-а...

– Согласен-с. Семен! Достань новый сюртук и приготовь бриться... Продолжайте, господин Бабков, я слушаю...

– Вы уходите?

– Да-с... Нужно... кой-куда...

– В таком случае, – нехотя мямлит Бабков, – не смею вам мешать...

Хозяин не возражает. Бабков слишком неохотно отыскивает шапку, еще неохотнее напяливает перчатки, мучительно сознает, что все погибло!.. Мерзкая фигура хозяина видимо оживляется благодаря исключительно скорому удалению гостя. Хозяин жмет ему руку и с полуулыбкой говорит:

– Куда-нибудь спешите?..

– Да! нужно...

– Дела? – вопросительно вскидывая глазами, прибавляет хозяин...

– Д-да...

– Гм...

Хозяин берет подсвечник и провожает Бабкова в переднюю; полуулыбка не сходит с его губ; эта же улыбка и даже некоторое насмешливое высовывание языка видится ему, Бабкову, во всем: стены, окна, шапка, надетая на голове его, перчатки – все это жестоко смеется. Чтобы придать свиданию хоть какой-нибудь оттенок порядочности, он вдруг останавливается на пути к двери и, спохватившись, произносит:

– Ах, да! Помните вы Зубилова? Брюнет?

Хозяин припоминает...

– Там же, у Кузьмы Данилыча?.. Этакой весельчак... Еще, помните, все хохотали...

– Нет-с, не припомню...

– Умер!..

– Скажите!!

– Пять человек детей – без средств.

– Гм. Царство небесное... Семен, запири за ними...

– До свидания.

– До приятного свидания. Запирай!

– Пошел! – кричит рассерженный Бабков извозчику.

– Куда прикажете?

– Прямо! Куда бы это? вот положение!

На перекрестках извозчик слегка придерживает лошадей, полагая, что барин прикажет повернуть.

– Прямо!..

Извозчик мчит Бабкова все прямо, все прямо...

III

Николай Федорович Бабков, который так неожиданно явился и исчез, имел, как и все, своих папеньку и маменьку. Маменька умерла, оставив его пяти лет, и когда четырнадцатилетний Коля, запыленный и загорелый, приехал домой из уездного города, где жил у родственника и учился в уездном училище, вся семья Бабковых состояла из отца, двух братьев, считая Колю, и сестры. Отец происходил из простых крестьян и служил в военной службе. Долгая и не останавливавшаяся ни на минуту в течение двадцати пяти лет вытяжка выкурила из него ту мужицкую дурь, которая иногда подзадоривала двинуть в чью-нибудь рыжую физиономию, ту мужицкую дурь, которая в другой раз подзадоривала на такое словцо, от одного появления которого мог бы испортиться воздух на десять верст в округности. Постепенно выходила эта дурь и, наконец, исчезла совсем, когда на рукаве явилась какая-то нашивка, а в груди забушевал кашель, напоминавший бой испорченных часов, доносящийся из пятой комнаты; прошла мужицкая дурь, – и там, где прежде чувствовалась дрожь негодования, теперь выступал робко пот и слова не сходили с языка. Да и слов-то в эту пору *своих* не было никаких. – Федор Никитич мог понимать только то, что рекомендует служаку; только «рад стараться», «слушаюсь», «виноват» находились в его вытрезвленной голове, а эту голову он считал только мишенью, в которую рано или поздно попадет чья-нибудь басурманская пуля. Охотно нес он эту голову, яро насккивал на летевшую без толку пулю, все больше и больше убеждался, что в жизни существует одно мудрое правило «терпи». Терпел и выслужился в офицеры... Тут он вспомнил, что когда-то, очень давно, – он знал другую, *свою*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.